

РОССИЙСКОЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ НАСЛЕДИЕ: РУССКИЕ ТОПОНИМЫ В ЮЖНОЙ ЧАСТИ ТИХОГО ОКЕАНА

W. de Millocho - Maslov
Pace Durchlaucht, *)

In the morning paper appeared a Telegram:
Pace Bismarck and England.

It is reported that Prince Bismarck has arranged a league with
the other European Powers to protect the unoccupied territory
of the World from English aggression.

As one, who for years has been living
amongst Indian Islanders, who know their
character and customs and who is also
acquainted by personal experience with
the sad "status precarius" of the natives:
Tahitians, Taitians myself to request Your Excellency,
in the name Justice and Humanity, to try
to move the Great Powers not to proceed
to occupy the territory from English
aggression, but to protect the rights
of the Free Nations of the Pacific as men,
from the slavery, injustice and cruel
exploitation (kidnapping, slavery etc. etc.),
not only of the English, but of all
the others in general.

An international Engagement:
to respect the "Right of Natives" man
of the South Sea Islands would be
perhaps the right thing!

With deep respect

W. de Millocho - Maslov

Sydney,
1st Oct. 1884.

Ваше Императорское Высочество

Преподобный, уважаемый
государственный человек. Ваше Высочество, я
и другие, живя в южной части Тихого
Океана, знаем, что население этих
островов находится в состоянии
рабства, несправедливости, насилия.
Ваше Высочество, мы просим Вас
попытаться и предпринять, чтобы
защитить и поддержать права
этих народов, которые являются
свободными и независимыми.
Мы просим Вас, Ваше Высочество,
попытаться и предпринять, чтобы
защитить и поддержать права
этих народов, которые являются
свободными и независимыми.

Ваше Императорское Высочество,
я и другие, живя в южной части Тихого
Океана, знаем, что население этих
островов находится в состоянии
рабства, несправедливости, насилия.
Ваше Высочество, мы просим Вас
попытаться и предпринять, чтобы
защитить и поддержать права
этих народов, которые являются
свободными и независимыми.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЙСКОЕ
ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ
НАСЛЕДИЕ:
РУССКИЕ ТОПОНИМЫ
В ЮЖНОЙ ЧАСТИ
ТИХОГО ОКЕАНА**

Коллективная монография

Москва
ИВ РАН
2021

УДК 910.4+910.26+930.2

ББК 63.3(8)+63.3(2)

P76

Ответственные редакторы и составители:

к.и.н. Е. М. Астафьева (ИВ РАН), к.и.н. С. Е. Пале (ИВ РАН)

Рецензенты:

д.и.н. А. Я. Массов (СПб ГМТУ), д.и.н. Н. П. Малетин (МГИМО),

к.культурол. Д. С. Панарина (ИВ РАН)

Коллектив авторов:

Е.В. Говор (АНУ), Н.Н. Миклухо-Маклай (ИВ РАН), Е.А. Канаев (НИУ ВШЭ),

А.В. Антошин (УрФУ), С.Е. Пале (ИВ РАН), А.А. Гарин (ИВ РАН),

Д.С. Кочетков (ИВ РАН), Е.М. Астафьева (ИВ РАН)

Утверждено к печати

Издательской комиссией Ученого совета

Института востоковедения РАН

P76 Российское цивилизационное наследие: русские топонимы в южной части Тихого океана: (Коллективная монография) / Отв. ред. и сост: Е. М. Астафьева, С. Е. Пале; Ин-т востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2021 – 262 с.

ISBN 978-5-907543-01-0

Книга предназначена как для широкого круга читателей, интересующихся историей, географией, путешествиями и политической обстановкой в Южно-Тихоокеанском регионе, так и для узкого круга специалистов, занимающихся данной тематикой, включая лиц на дипломатической службе и служащих государственных министерств и ведомств. Приведенный в Главе 10 «Список русских географических названий в Океании» актуален для использования в работе по созданию «Атласа мира русских географических названий», начатой по поручению Председателя попечительского совета Русского географического общества в 2018 г. профильными организациями.

В оформлении лицевой стороны обложки использованы: письмо князю Бисмарку 19 сентября (1 октября) 1884 г. Сидней. 28 декабря 1884 г. (9 января 1885 г.) и письмо Александру III Мельбурн, 28 декабря 1884 г. (9 января 1885 г.).

Источник: Миклухо-Маклай Н.Н. Собрание сочинений. В 6 т. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2020. Т. 1. С. 97; Т. 5. С. 437-438, 453-454.

В оформлении задней стороны обложки использован рисунок «Мужской дом и хижина на Берегу Маклая». Источник: Миклухо-Маклай Н.Н. Собрание сочинений. В 6 т. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2020. Т. 1. С. 97.

© Коллектив авторов, 2021

© ФГБУН ИВ РАН, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Вводное слово	5
Глава 1. Южно-Тихоокеанский регион в современном мире и российской политике	15
Глава 2. Пятая часть света на русских картах.	35
Глава 3. Роль контактов с коренным населением в истории русских топонимов в Океании.....	58
Глава 4. Русский след на карте Австралии	97
Глава 5. Топонимика островов Полинезии и Микронезии в трудах зарубежных ученых, мореплавателей, периодических изданиях и картографии XIX-XX вв.	117
Глава 6. Открытия в Океании Первой русской антарктической экспедиции.....	139
Глава 7. Интересные факты о российских первооткрывателях в южной части Тихого океана начала XIX в.	150
Глава 8. О русских географических открытиях в Океании – детям: популяризация наследия путешественников XIX в. среди школьников СССР и современной России.....	180
Глава 9. Первые шаги к созданию Атласа мира русских названий	191
Глава 10. О списке русских географических названий в Океании	204
Список русских географических названий в Океании	207
Аннотации	235
Библиография	240

CONTENTS

Foreword	5
Chapter 1. The South Pacific Region in the Modern World and Russian Politics	14
Chapter 2. The Fifth Part of the World on Russian Maps.....	35
Chapter 3. The Role of Contact with Indigenous People in the History of the Russian Toponyms in Oceania.....	58
Chapter 4. The Russian Presence on the Map of Australia	97
Chapter 5. The Naming of the Polynesian and Micronesian Islands in the Works of the Foreign Scientists and Navigators, and in the Periodicals and Maps of the 19-20th Centuries	117
Chapter 6. The Discoveries in Oceania Made by the First Russian Antarctic Expedition	139
Chapter 7. Interesting Facts about the Russian Explorers in the South Pacific of the Early 19th Century	150
Chapter 8. On Russian Geographical Discoveries in Oceania - for Children: Popularization of the Heritage of Travelers of the 19th Century among Schoolchildren of the USSR and modern Russia	180
Chapter 9. The First Steps Towards the Making of the World Atlas with the Russian Toponyms	191
Chapter 10. On the «List of the Russian Geographical Names in Oceania»	204
List of the Russian Geographical Names in Oceania	207
Abstracts	235
Bibliography	240

Глава 4. РУССКИЙ СЛЕД НА КАРТЕ АВСТРАЛИИ*

Первые русские топонимы в Австралии связаны с русскими экспедициями 1820 г., когда из Кронштадта в Тихий океан отправились две научные экспедиции для исследования приполярных областей Северного и Южного полушарий. На север были посланы шлюпы «Открытие» и «Благонамеренный» под командованием капитан-лейтенантов М.Н. Васильева (1777-1847) и Г.С. Шишмарева (1781-1835). В задачу этой экспедиции входило отыскать путь из Берингова пролива в Атлантический океан. На юг, к неведомой Антарктиде, отправились шлюпы «Восток» и «Мирный» под командованием капитана II ранга Ф.Ф. Беллинсгаузена (1778-1852) и лейтенанта М.П. Лазарева (1788-1851). Обе экспедиции остановились в Порт-Джеконе, на берегах которого выросло поселение англичан Сидней. В 1807 и 1814 гг. здесь уже побывали русские корабли, оставившие самые благоприятные отзывы о молодой колонии. Горные цепи, окружавшие Сидней, долгое время не позволяли колонистам исследовать земли, находящиеся к западу от города, и лишь в 1813 г. группа путешественников обнаружила проход через Синие горы, позволивший начать продвижение на территории, находящиеся по другой стороне Большого водораздельного хребта, однако сами горы долгие годы еще оставались неисследованными.

Неудивительно, что, когда в феврале 1820 г. в Порт-Джексон прибыли шлюпы «Открытие» и «Благонамеренный», натуралист экспедиции Федор (Фридрих Вильгельм) Штейн организовал экспедицию в Синие горы. Выпускник Дерптско-

* Сведения об авторе: *Говор Елена Викторовна* – доктор философии (история), научный сотрудник Австралийского национального университета, Канберра, Австралия. E-mail: elena.govor@anu.edu.au

го (ныне – Тартуского) университета, в плавание Штейн был зачислен как «лекарь в должности натуралиста». Он, действительно, был натуралистом широкого профиля, однако его специализацией и подлинной страстью были геология и минералогия¹. С ним вместе в путешествие отправился художник экспедиции Емельян Корнеев (ок. 1782 – после 1839), а проводниками были Уильям Лоусон (1774–1850), путешественник, который незадолго до прибытия русской экспедиции открыл проход через Синие горы и был назначен комендантом поселения Батерст за Синими горами, и Аллан Каннингем (1791–1839), австралийский ботаник. Путешествуя, Штейн проводил естественно-научные исследования, собирал геологические данные и материалы для минералогического анализа горных пород Австралии, в частности, он предположил наличие в них следов золота.

Сделал Штейн и географические открытия. В отчете о путешествии он писал: «Одну большую, просторную, никем до того еще не замеченную пещеру назвал я Лавзоновою, в честь коменданта г. Лавзона. Сверх того дал я названия некоторым тамошним возвышенностям и мысам, как, например: Панснеров мыс, Вертов холм, Севергина скала; утесистые же стены одной страшной бездны наименованы мною Вернеровой пропастью»². За всеми этими малоизвестными ныне именами стояли интересные лица. «Лавзонова пещера» была названа в честь Уильяма Лоусона, спутника Штейна. Пещера, судя по скудной информации, имеющейся о маршруте экспедиции Штейна, была расположена на Королевском плато (*Kings Tableland*), к югу от Уэнтворт фоллис. Этот район характеризуется живописными обрывистыми плато над речными долинами и ущельями, и вполне вероятно, что там же располагались и другие открытия Штейна. В названии пропасти он увековечил имя своего учителя Абраама Готтлоба Вернера (1747–1817), немецкого минеролога. Панснеров мыс получил название в честь Лоренца (Лаврентия Ивановича) Панснера (1777–1851), немецко-русского астронома и учредителя минералогического общества России³. Не забыты были и Василий Иванович Севергин (1765–1826), химик и минеролог, и Франц

РОССИЙСКОЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ НАСЛЕДИЕ: РУССКИЕ ТОПОНИМЫ В ЮЖНОЙ ЧАСТИ ТИХОГО ОКЕАНА

Иванович Верт (1782–1856), немецко-русский минеролог, писатель и путешественник.

В примечаниях к поэме графа Д.И. Хвостова «Русские мореходцы на Ледовитом океане» Штейн писал о базальте в связи со своими открытиями: «В последней экспедиции кругом света найден он и в следующих местах: в Новой Голландии в пропасти Королевской столовой земли (King's Table Land), в пещере Ленона [должно быть Лавзона. – Е.Г.], в Prospect Hill и на Вертовой горе»⁴. К сожалению, открытия Штейна не попали на мировые карты и оказались забытыми, как и материалы всей экспедиции М.Н. Васильева и Г.С. Шишмарева. Лишь недавно история путешествия Штейна привлекла внимание австралийского геолога Дэвида Брэнегана, который опубликовал перевод очерка Штейна и связанные с ним материалы. Он отмечает, что Штейн один из первых дал имена европейских ученых австралийским географическим объектам, а Корнеев сделал их зарисовки, но, к сожалению, точную привязку их к географическим объектам восстановить невозможно⁵.

Нужно отметить еще один интересный факт, связанный с экспедицией Штейна. Описывая свое путешествие, он указывал второе название Синих гор – «горы Алаура», отмечая, что именно так называют их аборигены⁶. Стремление сохранять географические названия коренных жителей было характерно для многих участников экспедиций того времени (см. предыдущую главу «Роль контактов с коренным населением в истории русских топонимов в Океании») и свидетельствует о «просвещенной» позиции Штейна. К сожалению, название Алаура не появляется в других источниках, связанных с ранней историей Австралии, и вполне возможно, что Штейн по недоразумению записал несуществующее название. Однако, не менее интересна и версия, что благодаря скрупулезности русского путешественника – а в его отчете содержится множество точно записанных английских топонимов – сохранилось важное утраченное название из языка местных аборигенов. Королевское плато, где путешествовал Штейн, – это территория племени гандангарра; это плато является одним из древнейших мест поселения аборигенов в Синих го-

рах, на нем были обнаружены места стоянок аборигенов, артефакты и наскальные рисунки.

В апреле 1820 г., вслед за экспедицией Васильева и Шишмарева, в Сидней прибыли корабли «Восток» и «Мирный» под командованием Беллинсгаузена и Лазарева, которые успешно совершили тяжелейшее антарктическое плавание. После отдыха команды они отправились в новое исследовательское путешествие по южной части Тихого океана, а затем, в сентябре-ноябре того же года, снова посетили Сидней. Таким образом, 1820 год стал подлинно «русским годом» в Сиднее. Во время пребывания в Австралии русские экспедиции пользовались большим вниманием губернатора колонии, Лаклана Макуори (1762–1824), который побывал в России в 1807 г. Еще в феврале, когда Васильев попросил Макуори выделить им место на берегу для обсерватории и мастерских, выбор пал на мыс Киррибилли на северном берегу залива Порт-Джексон, напротив города. На этом мысу разобьет свой лагерь и экспедиция Беллинсгаузена, после чего это место войдет в историю русской топонимики Австралии как «мыс Русских». Макуори сделал специальное распоряжение, разрешив кораблям стоянку недалеко от этого мыса. «Сие якорное место тем более было нам приятно, – отмечал Беллинсгаузен, – что все иностранные суда должны становиться в так называемой Неутральной бухте, где стояли и французского флота капитаны, Боден и Фресине, посланные правительством для произведения разных исследований»⁷.

Интересно, что Беллинсгаузен, став на якорь, скоро удостоился визита и местных аборигенов, возглавляемых вождем Бунгари (1775–1830). «Бонгаре говорил, – писал Беллинсгаузен, – указывая на своих товарищей: “это мой народ”; потом, показывая на весь северный берег, сказал: “это мой берег”»⁸. В 1820 г. поселение европейцев ограничивалось лишь южным побережьем залива Порт-Джексон. Северное побережье оставалось местом стоянок аборигенов, и, хотя англичане считали всю землю собственностью английской короны, аборигены на практике поддерживали свои права на свои исконные территории на северном берегу, чему русские моряки и стали свидетелями. Астроном-натуралист экспедиции И.М. Симонов

РОССИЙСКОЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ НАСЛЕДИЕ: РУССКИЕ ТОПОНИМЫ В ЮЖНОЙ ЧАСТИ ТИХОГО ОКЕАНА

(1794–1855) описывает, как – уже после их высадки на северный берег – абориген Бурра-Бурра предлагал им место для лагеря недалеко от стоянки его группы⁹. Таким образом, говоря современным языком, русские моряки получили приглашение на мыс Русских и от формальных владельцев земли – администрации колонии, – и от ее традиционных хозяев, групп аборигенов, возглавляемых Бунгари и Бурра-Бурра.

Для экспедиции Беллинсгаузена и Лазарева этот мыс стал подлинным домом; кроме обсерватории, здесь устроили кузницу, мастерские, походный лазарет, загон для скота, русскую баню и прачечную. Здесь матросы рубили лес, необходимый для плотничных работ, и заготавливали дрова на время дальнейшего плавания. Здесь же на берегу чинили медную обшивку кораблей, сорванную льдинами во время антарктического плавания. В палатках на берегу постоянно жил астроном экспедиции И.М. Симонов, а нередко и другие участники плавания, находились караульные. Весь этот палаточный городок русские на первых порах называли Адмиралтейством. Так, Беллинсгаузен уже через несколько дней после прибытия пишет: «В воскресенье погода была прекраснейшая, служители не занимались работою по шлюпу; я разделил их на две части; половину свезли на берег до обеда, а по возвращении их, другую после обеда, для прогулки по лесу около палаток, или так сказать, в нашем Адмиралтействе»¹⁰. Характерно, что Беллинсгаузен пишет это название с прописной буквы, как топоним, и в дальнейшем постоянно его использует¹¹. Использует его и мичман П.М. Новосильский (1802–1862), участник плавания на шлюпе «Мирный» – сначала с пояснением: «Шлюп “Мирный” введен был в маленькую бухту по западную сторону от русского адмиралтейства – так называли мы место, где расположены были наши палатки», а затем как общепринятое название: «Любимою моею прогулкою были леса новоголландские. Часто с раннего утра, завернув прежде в наше адмиралтейство и посетив палатку Ивана Михайловича Симонова, <...> я отправлялся с карманным компасом на мно-

гие мили в чашу леса, идущего от нашего адмиралтейства или от бухты, в которой стоял наш шлюп для починки»¹².

После второго пребывания в Порт-Джеконе, в сентябреноябре 1820 г., Беллинсгаузен называет и второй топоним, связанный с этим местом: «Сегодня с утра занимались перевезением на шлюп всего нашего Адмиралтейства и обсерватории и разных вещей. Обсерватория была устроена на северном берегу Жаксонского залива, на выдавшемся мысе, прямо против залива Сидней. Мыс сей мы называли мысом Русских»¹³. Этот же топоним называет и И.М. Симонов в своих воспоминаниях, написанных в середине XIX века: «Место, на котором мы раскинули наши палатки во все время двукратного пребывания нашего в Порт-Жаконе, называлось Русским Пунктом (Russian Point). Это название выбили мы на гранитной скале, которая была под ногами нашими, но, вероятно, слова, нами выбитые, давно загладились рукою времени. Город со своими живописными окрестностями рисовался перед нами как в лучшей панораме»¹⁴.

Несомненно, что этот топоним возник как знак глубокой привязанности к месту, важному прежде всего для самих путешественников. Не случайно немногословный М.П. Лазарев писал в конце визита: «не без сожаления оставили мы прекрасный сей порт; место, где можно сказать принимали нас как искренних друзей или родственников»¹⁵. Многие рисунки художника экспедиции Павла Михайлова также были сделаны на Русском мысу, с тщательно выписанными элементами прибрежной растительности и геологических формаций, хотя в названиях его работ и набросков это название не использовалось. Граффити, вырезанные русскими моряками в слоистом песчанике на мысу, – это был тот материальный след, который они хотели оставить на дорогом их сердцу месте. Оставлять надписи в памятных местах вполне вписывалось в традиции русских путешественников того времени. Например, Новосильский отмечал, что на скале у водопада под Рио-де-Жанейро они встретили имена Василия Головнина и дру-

РОССИЙСКОЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ НАСЛЕДИЕ: РУССКИЕ ТОПОНИМЫ В ЮЖНОЙ ЧАСТИ ТИХОГО ОКЕАНА

гих русских¹⁶. В 1863 г., во время визита в Сидней корвета «Богатырь», мичман П.С. Муханов (1840–1913) писал, что вскоре после прибытия они с островка Кокату «поехали посмотреть русские надписи на одном мысе, на левом берегу залива. Мы нашли там четко вырезанные на камнях имена судов: «Аполлона», «Мирного» и «Рюрика», бывших здесь в 1820 и 1840-х годах»¹⁷. «Аполлон» и «Рюрик» побывали в Австралии в 1822 г., и, очевидно, также разбивали свой лагерь на Русском мысу и оставляли граффити. В 1840-х гг. русские корабли Австралию не посещали: и тем удивительнее, что память об этом месте сохранялась более сорока лет, со времени визитов 1820 и 1822 гг.

Но чья память сохраняла этот топоним – русских или австралийцев? Здесь важны лексические нюансы. «Мы называли» в процитированном выше тексте Беллинсгаузена звучит как название, использовавшееся только в кругу русских моряков, в то время как «называлось» у Симонова уже кажется общепринятым топонимом. В очерке Муханова не говорится о том, откуда они узнали об этом памятном месте, но узнай они о русских граффити от своих австралийских знакомых, Муханов, скорей всего, упомянул бы о таком любопытном факте. В австралийской периодической печати, поиск по которой за XIX – первую половину XX в. возможен на сайте Национальной библиотеки Австралии, упоминаний о Русском мысе не встречается. Современное название этого места – мыс Киррибилли – аборигенское, и появляется оно на австралийской «Карте северного берега Порт-Джексона» уже в 1828 г. (Рис. 1). Нет этого названия и на детальной карте Порт-Джексона в «Атласе Южного моря» И.Ф. Крузенштерна (Рис. 2). Очевидно, что название «*Russian Point*», возможно, и использовавшееся жителями Сиднея в связи с находившимся там лагерем русских морских экспедиций, не закрепилось документально и вскоре исчезло.

Рис. 1. Карта северного берега Порт-Джексона напротив Сиднея¹⁸.

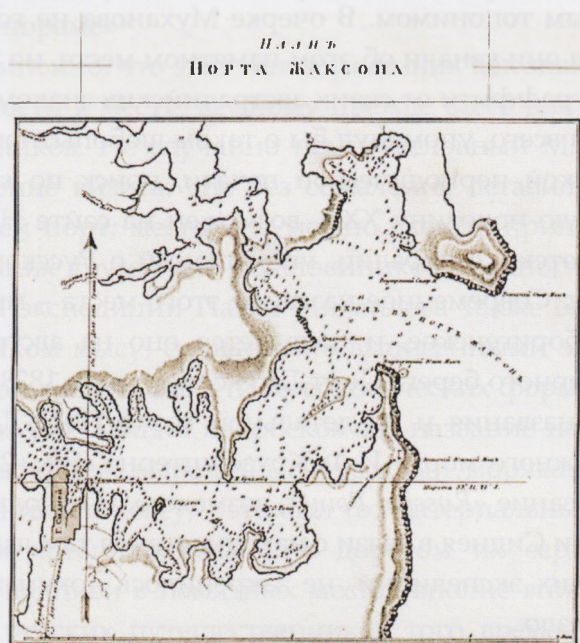

Рис. 2. План Порта Жаксона¹⁹.

РОССИЙСКОЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ НАСЛЕДИЕ: РУССКИЕ ТОПОНИМЫ В ЮЖНОЙ ЧАСТИ ТИХОГО ОКЕАНА

* * *

В 1990 г., только приехав в Австралию, я отправилась на поиски Русского мыса и описала свой поход по горячим следам: «Наконец я почти у цели своего путешествия, на улице Киррибилли, которая должна привести меня к юго-восточному мысу <...>. Увы, с правой стороны тянется длинный высокий забор, но вот открытые ворота, я заглядываю и тут же натываюсь на охранника-полицейского. По советской привычке, въевшейся в подсознание, я уже готова проскочить мимо ("как бы чего не вышло!"), но любовь к истории побеждает, и я спрашиваю, нельзя ли заглянуть во двор. Выясняется, что нельзя, так как это резиденция Премьер-министра и Генерал-губернатора Австралии, но полицейский готов ответить на все интересующие меня вопросы. Я рассказываю, что я ищу на этом мысу, который когда-то назывался мысом Русских, следы стоянки моряков и скалу с выгравированными на ней названиями русских кораблей. Полицейский оборачивается к дому для охраны и кричит: "Тут русская леди интересуется русскими кораблями!" Теперь из дома высыпает целая куча полицейских, но меня, как русского шпиона, никто не арестовывает, а начинают с интересом расспрашивать. О русских они знают только то, что форт Денисон был построен во время Крымской войны для защиты от потенциальной русской атаки. Полицейские в один голос уверяют меня, что скалы с русской надписью на территории резиденции нет, будь такая, они бы уж наверняка знали о ней. В конце концов они мне показывают, где ближайший к резиденции спуск к берегу, и мы мирно расстаемся»²⁰.

В последние десятилетия это название изредка появляется в современном околонуточном и популяризаторском дискурсе с утверждениями, пестрящими ошибками и не подкрепленными никакими источниками: «Около 1820 года русская антарктическая экспедиция из Санкт-Петербурга на

Аляску высадились в Сиднее, где иеромонах Дионисий совершил литургию на мысу Киррибилли (до сих пор называемом «Русский мыс»)»²¹. К сожалению, два топонима – «Адмиралтейство» и «мыс Русских» – следы «недолгого медового месяца», по выражению А.Я. Массова, в австралийско-русских отношениях²², ныне могут рассматриваться лишь как исторические топонимы.

* * *

В австралийских водах находился еще один топоним, связанный с русскими экспедициями. В 1822 г. бриг «Рюрик» под командованием штурмана Ефима Алексеевича Ключкова (1782–1833) по пути в Сидней прошел у юго-восточного побережья Тасмании, которая в те времена назвалась Вандименова земля. В опубликованном описании плавания Ключков писал: «По 42-дневном плавании из Симанского залива, сего дня по рассвете в 6 часов, увидели влеве S [южную] оконечность Вандименовой земли, на которой вершины гор покрыты были снегом, и восходящее солнце отражалось как в кристалле. Радость изображалась на лице у каждого, и надежда скоро войти в пристанище оживляла всех. <...> Вскоре прошли камень Мюстон в 10 милях, и увидели островок Севиллу с камнем Едистон, около коих ходил бурун: ибо они оба стоят на банке, так называемой Педро-банке. В 11 часов миновали мы оные в 8-ми милях; а в полдень по обсервованной широте 43° 57' S, и пеленгам находились в долготе 147° 24' O»²³. Именно после этого моряки и увидели не нанесенный на карты риф, находящийся на юго-восток от камня Едистон с координатами 43° 57' 30" S и 147° 43' 30" O. В опубликованном тексте Ключкова информации об этом открытии нет, однако в «Атласе Южного моря» И.Ф. Крузенштерна риф обозначен под названием «Риф Рюрика 1822» (Рис. 3)²⁴. На современных картах он не появляется.

РОССИЙСКОЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ НАСЛЕДИЕ: РУССКИЕ ТОПОНИМЫ В ЮЖНОЙ ЧАСТИ ТИХОГО ОКЕАНА

Рис. 3. Земля Ван Димена и риф Рюрика²⁵.

Во второй половине 1830-х гг. заходы русских кораблей в австралийские порты прекратились, и в отношениях между австралийскими колониями и Россией на смену дружбе пришел длительный период конфронтации, связанный во многом с политическим режимом, господствовавшим в Российской империи. Эта конфронтация нашла свое отражение и в топонимах, причем самым причудливым образом. Так, польский путешественник Павел Стшелецкий (1797–1883) назвал открытую им в 1840 г. в Австралийских Альпах самую высокую гору континента «горой Костюшко». Анджей Костюшко (1746–1817), уроженец Беларуси, возглавил национально-освободительное восстание против раздела Польши царским правительством в 1794 г. и стал символом польского сопротивления. Ныне гору Костюшко окружает Национальный парк того же имени – любимое место зимнего отдыха австралийцев. Однако правильное произношение этого топонима, которое вошло в английский язык в написании близком к польскому, –

Kosciuszko – оказалось не по силам австралийцам, и установилась традиция произносить его как «Кози-оско».

Крымская война (1853–1856), разгоревшаяся за тысячи миль от Австралии, война, в которой непосредственно участвовала лишь горстка австралийцев, тем не менее, затронула все слои колониального населения, которое и морально, и материально поддерживало свою метрополию. Эта война оказала сильнейшее влияние на формирование образа России и русских в сознании австралийцев. Никогда прежде австралийские газеты не писали так много о России, никогда прежде русский царизм не подвергался такому массовому осуждению на многотысячных митингах. Война оставила о себе и зримое топонимическое наследие, – карту Австралии и поныне украшает множество российских географических названий, появившихся здесь во время военных действий на другом краю земли.

В Австралии в это время осваивались новые территории, открывались золотые прииски, прокладывались новые улицы в молодых городах. Вскоре после Крымской войны английский путешественник Чарлз Дильк обнаружил, что, зная главные события Крымской войны, можно проследить, в какой последовательности шло заселение, например, Виктории. «Сент-Арно – это городок, лежащий между Балларатом и Каслмейном, а Альма расположена около него, в то время как холм Балаклава находится около Балларата, где также есть Рэглан и Севастополь. Инкерман находится недалеко от Каслмейна, <...> а прииск Малахов, открытый несомненно к концу войны, лежит к северу, в Уимере». Городки Альма и Балаклава существуют и в Южной Австралии, Севастополь – в Новом Южном Уэльсе, озеро Альма в Южной Австралии. Богат на русские названия, связанные с Крымской войной, и Квинсленд: имя Альмы здесь носят не менее восьми городков, гор, речек. Встречаются и Инкерман, Балаклава, хребет Малахов. Добавим, что крымские названия изобилуют и среди улиц Мельбурна, Сиднея и многих других городов. Например, восточную часть района Сент-Килда в Мельбурне пересекают три главные магистрали – Балаклава, Инкерман и Альма, а между ними расположены улицы Одесса, Крым, еще

РОССИЙСКОЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ НАСЛЕДИЕ: РУССКИЕ ТОПОНИМЫ В ЮЖНОЙ ЧАСТИ ТИХОГО ОКЕАНА

две Альмы, Севастополь, Малахов, а также парк Альма. В соседнем районе Колфилд мы вновь находим улицы Севастополь, Малахов, Крым, а также Хартум. Подобные скопления русских топонимов есть и в других районах Мельбурна²⁶. Конечно, появлялись все эти названия как символы кровопролитных англо-французских побед над русской армией, но теперь, много лет спустя, они воспринимаются русскими без горечи, а, пожалуй, и с гордостью. Ведь для нас, например, Севастополь всегда будет символом героизма русских солдат и офицеров, и не их вина была в том, что русская армия не смогла одержать победу в той войне.

Но в Австралии есть и более «дружелюбные» русские топонимы. Так, в центре континента, недалеко от знаменитой красной скалы Улуру, расположена удивительно красивая формация скал со множеством вершин. Аборигены называли ее Ката-Чюта (много голов), австралийцам же она известна под названием *The Olgas*, т.е. Ольги (!). Но названы эти горные вершины были в честь одной Ольги, дочери российского императора Николая I, ставшей королевой Ольгой Вюртембергской (1822–1892). В 1872 г. этот горный массив открыл австралийский путешественник Эрнст Джайлз (1835–1897). Он хотел назвать его горой Мюллера в честь немецко-австралийского ботаника Фердинанда Мюллера (1825–1896), который был спонсором экспедиции Джайлза. Мюллер, однако, предложил вместо себя увековечить имя Ольги Вюртембергской, покровительницы наук и искусств, которая незадолго до этого со своим венценосным супругом дала Мюллеру титул барона. Надо отметить, что барон Мюллер имел многочисленные связи с научными учреждениями Российской Империи, и выбор Ольги был для него не случайным. Ныне в Австралии официальным названием горы является двойное имя – *Kata Tjuta / The Olgas*.

Контакты с Русским географическим обществом другого австралийского путешественника – исследователя Западной Австралии Джона Форреста – привели к появлению в 1870-х гг. еще одного «царского» топонима в Австралии. Форрест назвал открытую им гору на северо-западе колонии горой Константина, в честь Великого князя Константина, сына

Николая I и председателя Императорского Русского географического общества²⁷.

Начиная с середины XIX в., по мере того как в Австралию прибывают русские иммигранты, появляются и разнообразные связанные с ними топонимы. Обычно они находятся в отдаленных, мало освоенных районах, где каждый новый человек был на виду. Иногда их можно связать с конкретными лицами, жившими в этих местах, иногда связь с конкретным лицом уже невозможно документировать. Для некоторых из них характерно также недолговременное использование – топоним, бытовавший во время заселения территории поселенцами и фигурировавший даже в официальных документах, со временем исчезает из официальных газетиров.

Самыми ранними среди топонимов такого рода были места под названием «*Russian Gully*», которые можно перевести как «Русская балка» или «Русское ущелье», т.к. они обычно располагались на горных склонах, где во времена золотой лихорадки, охватившей юго-восточную Австралию в начале 1850-х гг., раскидывал свой лагерь русский старатель. По газетам можно проследить, что самая ранняя Русская балка упоминается уже в октябре 1851 г., через несколько месяцев после открытия золота, в горах около Батерста (Новый Южный Уэльс). В 1857 г. Русская балка появляется около городка Арарат, в Виктории, в 1858 г. – в горах между Бендиго и Балларатом, тоже в Виктории, в 1864 г. – около городка Ставел в районе все того же Арарата. В 1888 г. журналист, собирая сведения о заповедных лесах с древовидными папоротниками в горном массиве Данденонг, к востоку от Мельбурна, выяснил, что лет 20 назад там жил «Русский Дейви» со своим приятелем по кличке Дикарь (*Wild*), и с тех пор ущелье называется «*Davy the Russian's Gully*». Автор ратовал за сохранение этого исторического названия и за объявление этого красивейшего района заповедником, но, к сожалению, память об этом месте не сохранилась, и след Русского Дейва (Давида, Даниила?) пропал²⁸. В 1880-90-х гг. около Бендиго упоминается балка другого русского – Джека (вероятно, Ивана), которая так и называлась – Балка Русского Джека; в репортаже отмечалось, что «в былые дни там было добыто много золота»²⁹.

РОССИЙСКОЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ НАСЛЕДИЕ: РУССКИЕ ТОПОНИМЫ В ЮЖНОЙ ЧАСТИ ТИХОГО ОКЕАНА

В 1890-х гг. был Русский ручей (*Creek*) в дебрях горной Тасмании, в районе Сэвидж ривер, тоже связанном с добычей золота.

И, наконец, Русская балка, переименованная в 1980-х гг. в Русский ручей, который несет воды по горным склонам в Снежную реку, находится в Снежных горах Нового Южного Уэльса³⁰.

Истории, стоящие за несколькими русскими топонимами, все же можно выяснить. Так, в городе Дарвине, столице Северной территории, есть ручей Людмилы, вокруг которого вырос целый район с тем же названием. Хотя австралийцы произносят это название как «Ладмила», назван он был в честь русской девушки Людмилы, родившейся в Вятской губернии. Ее отец Морис Гольц родился в Германии, получил специальность ботаника, в 1862 г. перебрался в Россию и вскоре женился на русской дворянке Евлампии Семеновне Мезенцевой. В 1872 г. неясные семейные обстоятельства вынудили их покинуть Россию. Привлеченные слухами об открытии золота на тропическом севере Австралии, они отправились в Пальмерстон (ныне Дарвин) с волной первых переселенцев. Их дети, родившиеся в России, – Николай, Владимир и Людмила, – легко вписались в мир пионеров Северной территории. Постепенно семья стала преуспевать, особенно после назначения Мориса Гольца (Хольц/*Holtze* в Австралии) правительственным садовником в ботаническом саду Пальмерстона, где ему помогал его старший сын Николай. Ручей, который Николай открыл в окрестностях Пальмерстона, он и назвал в честь сестры. Семья Хольц много сделала для развития тропического земледелия на Северной территории, и их имя носят несколько улиц в городах на Северной Территории. Есть даже дорога Валлаби Хольц, она названа в честь второго сына Мориса и Евлампии – Владимира. Женившись на аборигенке из племени джингили, он пятьдесят лет проработал в пустынных районах, среди аборигенов, на телеграфной станции к югу от Пальмерстона. Здесь имя «Владимир» и превратилось в Валлаби – так в Австралии называют небольших кенгуру³¹.

В начале 1910-х гг. в Бутчерс Крик на плато Атертон, в Квинсленде, выросла целая русская колония, которую сами

поселенцы называли «Маленькая Сибирь». Имена ее первых поселенцев стали топонимами: здесь есть дорога Гадалова, холм Ламиных (*Lamins Hill*), ручей Баляса, и даже вулканический кратер Стрельникова³². В том же штате память о русских железнодорожных мастеровых, работавших в городе Ипсвич в 1910-х годах, увековечена в названии улицы Русская площадь, а память о поселении «белых» русских в Тангуле осталась в названии «Дорога Русского клуба».

На Северной Территории, вокруг городка Катерин, обнаруживается целый комплекс русских топонимов; они связаны с «белыми русскими», казаками, которые после революции также поселились в этих краях, выращивая арахис и тропические фрукты. Большинство названий, связанных с именами русских поселенцев, возникли еще при их жизни. Так, к юго-западу от Катерина находятся дорога Иннокентия Зимина и дорога Александра Токмакова, от которой отходит дорога Лии, названная в честь его жены. К западу пролегают дороги Крылова, Иванова, Алекса Гори (тоже русского) и дорога Казак. На этой дороге увековечена и память о Гермогене Сергееве, известном под кличкой *Galloping Jack*, – так назван водопад, где он обычно пересекал реку по дороге к своему участку. Весь этот район впоследствии получил название Казак. Годы спустя память еще о двух поселенцах была увековечена в самом городке Катерин – там есть парк Де Джулиа, в честь русского Андрея Ивановича Де Джулиа, погибшего при бомбардировке Дарвина в 1942 г., и улица Фомина, а также ресторан *Galloping Jack*³³.

В Австралии свято чтут память участников Первой мировой войны, среди которых мне удалось выявить около тысячи уроженцев Российской империи. Имена некоторых из них также оказались на карте Австралии. Ферма Олино, в память об украинской девушке, которой было отдано сердце Феофила Волковского, находилась в Новом Южном Уэльсе, а дорога Сучкова – в честь белорусского учителя Семена Сучкова – в Тасмании. И хотя эти топонимы не сохранились на современных картах, местные старожилы все еще помнят об этих местах, связанных с их соседями из России³⁴. Но в память о них создаются и новые топонимы: так, в честь Александра Егорова

РОССИЙСКОЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ НАСЛЕДИЕ: РУССКИЕ ТОПОНИМЫ В ЮЖНОЙ ЧАСТИ ТИХОГО ОКЕАНА

из Бестужево в Рязанской губернии недавно назвали заповедник, расположенный на месте его фермы под Сиднеем.

Увековечивают в Австралии – обычно в форме микротопонимов – и имена наших выдающихся соотечественников. Так, в Сиднее недавно имя Миклухо-Маклая было присвоено парку в районе Бичгроу, недалеко от тех мест, где он жил с женой в 1880-х годах. В Аделаиде (Южная Австралия) есть улица Шаляпина (*Chaliapin*) – Федор Шаляпин побывал в Австралии с гастрольями в 1926 г. Есть в Аделаиде и улица Гагарина. В Мельбурне, в районе Донкастер, находятся улицы Пушкина и Толстого.

Особым типом топонимов являются русские географические или природные названия на территории Австралии. Иногда это совпадения случайные. Так городок Петерборо, раньше называвшийся Петербургом, в Южной Австралии, к русскому Петербургу никакого отношения не имеет; и был назван по имени первого поселенца Питера Дёк (*Doeke*). А вот улица Санкт-Петербург в городке Неранг на Золотом Берегу в Квинсленде, несомненно, названа в честь нашей северной столицы. В четырех штатах есть улицы Москва, кроме того, в Новом Южном Уэльсе и в Виктории есть горные вершины с таким названием, а в Виктории протекают две речки под названием Москва. Не забыта и Волга – это название носят четыре улицы в разных штатах. В центральной Тасмании в 1860-х гг. появилось название “*The Steppes*” – так по-английски называют степь, природный регион характерный для юга Российской империи. Появление этого топонима в Тасмании связывают с семьей первопоселенцев Уилсонов, осваивавших этот предгорный район для овцеводства, и, возможно, использовавших название по ассоциации с ландшафтом России или в связи с удаленностью места.

С отдаленными негостеприимными местами связан и топоним Сибирь. Одна Сибирь находится в Снежных горах, в Национальном парке Костюшко около горы Тредбо, и зимой ее засыпает снегом; этот топоним сохраняется до сих пор. Другие «Сибири» – лагеря золотоискателей, напротив, возникли в самых жарких, пустынных районах Западной Австралии, когда там началась золотая лихорадка в 1890-х годах. Еще

одна Сибирь имела этногеографическое происхождение. Это был шахтерский поселок, возникший к югу от городка Сеснок в Новом Южном Уэльсе, в начале 1910-х гг. По преданию, среди его первых поселенцев были русские шахтеры, приезжавшие в Австралию на заработки, но было много и австралийских бедняков. Они жили в палатках и хибарах, разбросанных на окраине лесных зарослей, захватывая землю без всяких документов, и власти туда долго не могли добраться и навести порядок, так как дорога туда от Сеснока была практически непроходимой. Неудивительно, что хотя у этого места было вполне благопристойное английское название Эбернети, в окрестностях его называли Сибирь; это название и легенды о его непокорных обитателях сохранялись в памяти старожилов еще до недавнего времени³⁵. И, наконец, ферма под названием «Сибирь» ныне находится под Кохуной, в Виктории. Как оказалось, это память о попытке организовать здесь колонию группой переселенцев из Томска в 1909 г. Они не выдержали испытания австралийской жарой, оставив после себя лишь название³⁶.

След, который Россия уже два столетия оставляет на австралийской карте, – это зримая летопись побед и поражений, надежд и разочарований, повествующая о богатой истории российско-австралийских контактов.

¹ Barratt G. The Russians and Australia. – Vancouver: UBC Press, 1988. – P. 100-104. Черновые заметки начальника экспедиции... // Лазарев А.П. Записки о плавании военного шлюпа Благонамеренного в Берингов пролив и вокруг света для открытий в 1819, 1820, 1821 и 1822 годах, веденные гвардейского экипажа лейтенантом А.П. Лазаревым / Под ред., с предисл. и коммент. А.И. Соловьева. – М.: Географгиз, 1950. – С. 27.

² Штейн [Ф.] Из минералогических замечаний, učinенных натуралистом Штейном во время 12-дневного путешествия от Сиднея к Синим горам в Новом Южном Валлисе // Лазарев. Записки о плавании военного шлюпа Благонамеренного.... – С. 371-372; Штейн [Ф.]. Минералогические замечания, произведенные в Южном Валлисе на пути к Синим горам // Труды минералогического общества в Санкт-Петербурге. – 1830. – Ч. 1. – С. 459; Stein F.W. Mineralogische Bemerkungen auf einer zwölf-tägigen Reise von Sydney über Paramatta nach den sogenannten blauen Bergen // St. Petersburg. Schrift. Mineralogische Gesellschaft. – 1842. – Bd. 1. – S. 160-161.

РОССИЙСКОЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ НАСЛЕДИЕ: РУССКИЕ ТОПОНИМЫ В ЮЖНОЙ ЧАСТИ ТИХОГО ОКЕАНА

- ³ Надо пояснить, что Пансеров мыс – в немецком оригинале Pancer's Vorgebirge – это не прибрежный мыс, а выдающийся горный отрог.
- ⁴ Штейн [Ф.] Примечания // Хвостов Д.И. Русские мореходцы на Ледовитом океане: Стихотворение графа Хвостова. – СПб, 1825. – С. 65.
- ⁵ Branagan D.F. The Russian Expedition's Sydney Visit in 1820 and Some Forgotten Blue Mountains Names // Journal & Proceedings of the Royal Society of New South Wales. – 2010. – Vol. 143. – P. 1–28.
- ⁶ Stein. Mineralogische Bemerkungen... – S. 145, 151. Штейн Ф. Краткое начертание успехов Северной дивизии 1819–1822 // Лазарев А.П. Записки о плавании военного шлюпа Благонамеренного... – С. 379.
- ⁷ Беллинсгаузен Ф.Ф. Двукратные изыскания в Южном ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжении 1819, 20 и 21 годов... Ч. 1. – СПб: Тип. И. Глазунова, 1831. – С. 242–243.
- ⁸ Беллинсгаузен. Двукратные изыскания... Ч. 1. – С. 246.
- ⁹ Симонов И.М. Письмо к * // Казанский вестник. – 1829. – Ч. 25, кн. 1. – С. 49.
- ¹⁰ Беллинсгаузен. Двукратные изыскания... Ч. 1. – С. 249.
- ¹¹ Там же. Ч. 1. – С. 279, 287; Ч. 2. – С. 90, 92.
- ¹² Новосильский П.М. Южный полюс: Из записок бывшего морского офицера // Пантеон. – 1853. – № 9, отд. 3. – С. 66, 68.
- ¹³ Беллинсгаузен. Двукратные изыскания... Ч. 2. – С.
- ¹⁴ Симонов И.М. Шлюпы «Восток» и «Мирный» // Российские моряки и путешественники в Австралии: Документы, письма, воспоминания / Сост. Е.В. Говор и А.Я. Массов. – М.: Восточная литература, 2007. – С. 68.
- ¹⁵ Лазарев М.П. Письма Михаила Петровича Лазарева к Алексею Антиповичу Шестакову в г. Красный Смоленской губернии // Морской сборник. – 1918. – № 1. – С. 57.
- ¹⁶ Новосильский. Южный полюс... – С. 44.
- ¹⁷ Муханов [П. С.]. Сидней // Морской сборник. – 1863. – № 11. – отд. 3. – С. 105.
- ¹⁸ Map of that part of the North Shore of Port Jackson which is opposite to Sydney. 1828. State Archives & Records New South Wales, NRS 13859, Maps and Plans 1792–1880, S.801 [SZ467] <https://dictionaryofsydney.org/media/4298>
- ¹⁹ Крузенштерн И.Ф. Атлас Южного моря. Ч. 1. – СПб, 1824. – Таб. 4.
- ²⁰ Говор Е. На мысу Русских: Из истории экспедиций 1820 года // Австралиада. – 1995, № 5. – С. 1–6. Электронная версия: <https://elena.id.au/RussianPoint.htm>
- ²¹ The Encyclopedia of Eastern Orthodox Christianity / Ed. by J.A. McGuckin. Vol. 1. A–M. – Blackwell Publishing Ltd, 2011. – P. 60.
- ²² Massov A. Russian voyages to Australia in the honeymoon period, 1807–35 // Encounters under the Southern Cross: Two centuries of Russian-Australian relations, 1807–2007. – Adelaide: Crawford House Publishing, 2007. – P. 27.
- ²³ Клочков [Е.А.] Путешествие вокруг света в колонии Российско-американской компании, г. Клочкова // Северный архив. – 1826. – Ч. 24, № 23–24. – С. 214–215.
- ²⁴ Carte de la Terre de Van Diemen... // Krusenstern [A.J.] Atlas l'océan Pacifique. Pt. 1. – SPb, 1824; Крузенштерн И.Ф. Собрание сочинений, служа-

щих разбором и изъяснением Атласа Южного моря капитан-командором Крузенштерном. Ч. 1. – СПб, 1823. – Прибавления. – С. 20.

²⁵ Генеральная карта Южного моря // Крузенштерн И.Ф. Атлас Южного моря. Ч. 1. – СПб, 1824. – Таб. 1 (фрагмент карты).

²⁶ *Говор Е.* Друг мой, враг мой... (Ранние впечатления австралийцев о России и русских) // *Моя Австралия.* – 1999, № 2. – С. 15.

²⁷ *Goodchild B.* Mountain Names in The North West Region Of Western Australia // *Placenames Australia.* – September, 2002. – P. 6.

²⁸ *Telemachus.* The Dandenong state forest // *Argus.* – 24.03.1888. – P. 5.

²⁹ *Prospecting at Strathfieldsaye* // *Bendigo Independent.* – 3.01.1895. – P. 4.

³⁰ *Government Gazette of the State of New South Wales.* – 15.05.1981.

³¹ *Ruediger W.J.* The Holze Saga. – Adelaide, 1988.

³² *Говор Е.* Дорога Гадалова, плато Атертон... (К истории русской колонии в Австралии) // В кн.: *Россияне в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Сотрудничество на рубеже веков.* – Владивосток, 2001. – С. 36-42.

³³ Сведения из базы данных NT Place Names Register. URL: <https://www.ntlis.nt.gov.au/placenames/index.jsp>

³⁴ *Говор Е.* В поисках ранней русской диаспоры Австралии // *Традиционная культура.* – 2018. – Т. 19, № 4. – С. 44-56.

³⁵ *Advance Abernethy.* Progress of the District. "Siberia's" growth // *Newcastle Sun.* – 21.07.1923. – P. 2. *Robinson N.* They called it Siberia : the story of the South Maitland 'coal rush', Aberdare South Colliery and Abernethy village. – Kiama, 1993.

³⁶ *Говор Е.* Россияне в Виктории – у истоков // *Австралийская мозаика.* – 2020. – № 48. – С. 18-20.

nological heritage that had accumulated in the Russian language by the second half of the 19th century influenced the texts associated with N.N. Miklouho-Maclay, whose travels and explorations in Oceania are notable for their significant impact on Russian South Pacific studies.

Chapter 3. *The Role of Contact with Indigenous People
in the History of the Russian Toponyms in Oceania*

About the author: *Dr. Elena Govor – PhD (History), Research Fellow, Australian National University, Canberra, Australia.*

E-mail: elena.govor@anu.edu.au

This chapter analyses Russian toponyms in the context of the interaction of travelers with the indigenous peoples of Oceania. Based on several case studies, the chapter explores the influence of the success and duration of the contacts with indigenous people on the choice of toponyms by Russian travelers. The chapter also examines the attitude of the travelers – Adam Johann von Krusenstern, Urey Lisiansky, Otto von Kotzebue, Friedrich von Lütke, Fabian Gottlieb von Bellingshausen and Nikolai Miklouho-Maclay – to the use of indigenous toponyms versus European toponyms in their publications, particularly in the Russian and French versions of Krusenstern's Atlas of the South Sea. Particular attention is paid to the origin of Russian toponyms on the Marquesas, Hawaiian, Marshall, and Caroline Islands, and on the Russian Islands (Tuamotus). The last section of the chapter examines the consistently humanistic, anti-racist position upheld by Miklouho-Maclay in the toponymy of New Guinea and his attitude to the assignment of European place names to geographical objects.

Chapter 4. *The Russian Presence
on the Map of Australia*

About the author: *Dr. Elena Govor – PhD (History), Research Fellow, Australian National University, Canberra, Australia.*

E-mail: elena.govor@anu.edu.au

Place names and microtoponyms of Russian origin in Australia number in the hundreds, but, unlike in Oceania, their origin was far from always associated with Russian naval expeditions. Friendship and enmity, the history of pioneers and the grateful

РОССИЙСКОЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ НАСЛЕДИЕ: РУССКИЕ ТОПОНИМЫ В ЮЖНОЙ ЧАСТИ ТИХОГО ОКЕАНА

memory of descendants were intertwined in their fates. This chapter examines historical toponyms associated with the first Russian expeditions in Australia: the group of toponyms in the Blue Mountains and Russian Point in Sydney. It explores the rich toponymic heritage associated with the Crimean War and the oppositional naming of mountain peaks in honor of fighters against Tsarist autocracy and members of the Imperial family. A group of particular interest consists of toponyms associated with Russian gold prospectors and pioneers in remote regions of the country and with the commemoration of the memory of Russian Anzacs.

Chapter 5. *The Naming of the Polynesian and Micronesian Islands in the Works of the Foreign Scientists and Navigators, and in the Periodicals and Maps of the 19-20th Centuries*

About the author: *Artyom A. Garin* – Researcher, Center for South-East Asia, Australia and Oceania, Institute of Oriental Studies, RAS, Russia, Moscow. E-mail: garinartyomalexeevich@gmail.com

This chapter has the idea that mapping was used as a powerful political tool, especially during the period of colonial conquests in the second half of the 19th century. The material is based on historical sources that are completely new to Russian science, those being the foreign periodicals, circumnavigators' reports, as well as maps of the 19-20th centuries that have become available online since not long ago on the websites of the leading libraries of the world.

Chapter 6. *The Discoveries in Oceania Made by the First Russian Antarctic Expedition*

About the author: *Dmitry S. Kochetkov* – Researcher, Center for South-East Asia, Australia and Oceania, Institute of Oriental Studies, RAS, Russia, Moscow.
E-mail: qegen@yandex.ru

The chapter describes the process and the results of the geographical discoveries in Oceania made by the First Russian Antarctic Expedition under the command of Bellingshausen and Lazarev in 1819–1821, mentioning some peculiarities that can be found out in the chapter.